

НА КОГО БЫЛИ ПОХОЖИ КАРАСУКЦЫ?

А.Г. Козинцев

Александр Григорьевич Козинцев | <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109> | alexanderkozintsev@yandex.ru | д. и. н., главный научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

эпоха поздней бронзы, Южная Сибирь, Западная Сибирь, Средняя Азия, карасукская культура, андроновская культура, памирцы, таджики, узбеки, казахи

Аннотация

Для проверки утверждения Ю.Г. Рычкова об идентичности физического типа носителей карасукской культуры и близких к современности горцев Западного Памира проведено сопоставление 24 мужских карасукских краниологических серий с 59 сериями других эпох и культур. Данные обработаны методами многомерной статистики. Карасукцы оказались близки не к тем памирским группам, которые Ю.Г. Рычков включил в исследование (горанцам, ишкашимцам, ваханцам и рушанцам), а к той, которую он оттуда исключил из-за киргизской примеси, – шугнанцам. Эта примесь, по-видимому, наслонилась не столько на местный южноевропеоидный компонент, свойственный прочим памирцам, сколько на степной, андроновский, что и обусловило вероятное сходство средневековых шугнанцев (и, следовательно, карасукцев) с современными узбеками, сохранившими родовую структуру, и северными таджиками.

Поводом для данной статьи послужило интригующее, до сих пор не подвергавшееся проверке высказывание Ю.Г. Рычкова: изучив краниологию горцев Западного Памира недавних веков (горанцев, ишкашимцев, ваханцев и рушанцев), он пришел к выводу, что эти люди по своему физическому типу не просто близки, а тождественны носителям карасукской культуры:

Достоин удивления поразительное единство серий, удаленных одна от другой на 2500 труднейших километров и представляющих центр и периферию ареала памиро-ферганской расы. Еще большего удивления и внимания заслуживает замечательная устойчивость ее типа, выявленная при сравнении этих серий, отстоящих одна от другой на 2500 бурных лет в истории Центральной Азии (Рычков 1969: 158–159).

Само сходство, правда, было замечено не Ю.Г. Рычковым – он лишь гиперболизировал то, о чем до него, но несравненно осторожнее писали Г.Ф. Дебец (Дебец 1932) и В.П. Алексеев (Алексеев 1961). В.П. Алексеев, а вслед за ним и

Статья поступила 27.12.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 27.02.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Козинцев А.Г. На кого были похожи карасукцы? // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 150–164. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030089> EDN: CPHJCY

Kozintsev, A.G. 2023. Na kogo byli pokhozhi karasuktsy? [Whom Did the Karasuk People Resemble?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 150–164. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030089> EDN: CPHJCY

Ю.Г. Рычков относили сходство на счет общего происхождения карасукцев и памирцев – предположительно из Восточного Туркестана (Алексеев 1961: 160; Рычков 1969: 158). Но единственная группа докарасукской эпохи из данного района – Гумугоу – оказалась краниометрически близка не к карасукцам и не к памирцам, а к андроновцам¹ (Козинцев 2009).

Действительно ли карасукцы внешне неотличимы от памирцев? Если бы это было так, вывод о них как об андроновско-окуневских метисах² оказался бы автоматически опровергнут, ведь вообразить, что памирцы хоть в какой-то степени родственны окуневцам или иным аборигенам Сибири, невозможно. Если же “поразительное единство” не подтвердится, то, возможно, удастся все-таки найти близкую к современности группу, которая и позволила бы нам представить себе, как выглядели носители одной из самых загадочных культур Южной Сибири. Это имело бы не только иллюстративную, но и познавательную ценность, ибо помогло бы прояснить генезис данной культуры. В ходе недавнего исследования³ я такой группы не нашел, да и не пытался. В предлагаемой статье ставится именно эта цель.

Использованы данные о 83 мужских сериях черепов, относящихся к следующим культурам, эпохам и территориям⁴:

1. Собственно карасукская культура (“классический вариант”) (Рыкушина 2007).

2. Каменноложский вариант карасукской культуры (Там же).

3. Атипичная карасукская группа, суммарно (Козинцев 1977; суммированы данные по группам № 4–7).

4. То же, северная группа – каменноложские погребения на р. Карасук (Там же).

5. То же, Малые Копены III, по неопубликованным измерениям Г.Ф. Дебеца (Там же).

6. То же, Федоров улус, по измерениям В.П. Алексеева (Алексеев 1961) (Козинцев 1977).

7. То же, Восточно-минусинская группа – лугавские (бейские) погребения на правобережье Енисея к югу от р. Тубы, по измерениям Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева (Там же).

8. Карасукская культура, северная группа (Рыкушина 2007)⁵.

9. То же, южная группа (суммированы данные Г.В. Рыкушиной [Там же] и А.В. Громова [Громов 1991, 1995] по группам № 20–24).

10. То же, ербинская группа (Рыкушина 2007).

11. То же, левобережная группа (Там же).

12. То же, правобережная группа (Там же).

13. То же, Хара-Хая (Там же).

14. То же, Тагарский Остров IV (Там же).

15. То же, Кюргеннер I (Там же).

16. То же, Кюргеннер II (Там же).

17. То же, Карасук I (Там же).

18. То же, Северный берег Варчи I (Там же).

19. То же, Сухое Озеро II (Там же).

20. То же, Арбан I (Громов 1991).

21. То же, Белое Озеро (Громов 1995).

22. То же, Сабинка II (Там же).

23. То же, Терт-Арба (Там же).

24. То же, Есинская МТС (Там же).

25. Андроновская (федоровская) культура, Северный, Центральный и Восточный Казахстан⁶.
26. То же, Барабинская лесостепь.
27. То же, Рудный Алтай.
28. То же, Барнаульское Приобье, Фирсово XIV.
29. То же, Барнаульско-Новосибирское Приобье.
30. То же, Причумышье.
31. То же, Томское Приобье, Еловка II.
32. То же, Кузнецкая котловина.
33. То же, Минусинская котловина.
34. Андроновская (алакульско-кожумбердынская) культура, Южный Урал и Западный Казахстан.
35. Андроновская (алакульская) культура, Северный, Центральный и Восточный Казахстан.
36. То же, Омское Прииртышье, Ермак IV.
37. Окуневская культура, Хакаско-Минусинская котловина, Уйбат (*Громов* 1997).
38. То же, Тас-Хазаа (Там же).
39. То же, Черновая (Там же).
40. То же, Верх-Аскиз (Там же).
41. Монгун-тайгинская культура, карасукская эпоха, Тува, сборная группа (*Алексеев и др.* 1987).
42. То же, Байдаг III (Там же). В.А. Семенов и К.В. Чугунов относят памятник к древнейшему этапу монгун-тайгинской культуры, когда погребальный обряд был наиболее близок к карасукскому (*Семенов, Чугунов* 1987; см. также: *Чугунов* 1994).
43. Саки, Восточный Казахстан, VII–IV вв. до н.э. (*Гинзбург, Трофимова* 1972).
44. Саки, Киргизия VII–IV вв. до н.э. (Там же).
45. Савроматы, Нижнее Поволжье и Южное Приуралье, VI–IV вв. до н.э. (*Балабанова* 2000).
46. Тавры, Крым, кизил-кобинская культура, VIII–V вв. до н.э. (*Соколова* 1960).
47. Сиалк, Центральный Иран, период VI, некрополь В (VIII в. до н.э.). Измерения Г.Ф. Дебеца, опубликованные Т.П. Кияткиной (*Кияткина* 1968). Датировка обоснована А.И. Иванчиком (*Иванчик* 2001: 168) и И.Н. Медведской (*Медведская* 2013).
48. Памирцы, Горан, XIII–XIV вв. (*Рычков* 1969).
49. То же, Ишкашим, XIV–XVI вв. (Там же).
50. То же, Вахан, XV–XVI вв. (Там же).
51. То же, Рушан, XVIII в. (Там же).
52. То же, Шугнан, р. Шахдара, XIII–XIV вв. Измерения Ю.Г. Рычкова, опубликованные В.В. Гинзбургом и Т.А. Трофимовой (*Гинзбург, Трофимова* 1972).
53. Ирани (возможно, таджики), Самарканд, недавняя эпоха (Там же).
54. Жители Уструшаны (Шахристан, Таджикистан), VII–IX вв. (Там же).
55. Узбеки, Ташкент (*Гинзбург* 1963)⁷.
56. Узбеки, Самарканд (Там же).
57. Казахи, Восточный Казахстан, Актулки (*Исмагулов* 1970).
58. То же, Центральный Казахстан, Бегазы (Там же).
59. То же, Центральный Казахстан, Коянды (Там же).

60. То же, Северный Казахстан, Каратас (Там же).
61. Киргизы (*Миклашевская* 1959).
62. Тоболо-иртышские татары (*Багаиёв* 2017).
63. Барабинские татары (Там же).
64. Томские татары (Там же).
65. Чулымцы (Там же).
66. Северные ханты (Там же).
67. Южные ханты (Там же).
68. Восточные ханты (Там же).
69. Манси (Там же).
70. Ненцы (Там же).
71. Селькупы (Там же).
72. Кызыльцы (Там же).
73. Бельтеры (*Алексеев* 1960).
74. Сагайцы (Там же).
75. Койбалы (Там же).
76. Качинцы (Там же).
77. Теленгеты (*Дебец* 1951).
78. Телеуты (*Багаиёв* 2017).
79. Кумандинцы (Там же).
80. Тубалары (Там же).
81. Шорцы (Там же).
82. Кеты (*Гохман* 1982).
83. Монголы (*Дебец* 1951).

Программа включает 14 основных признаков: продольный, поперечный и высотный диаметры, наименьшую ширину лба, скуловой диаметр, верхнюю высоту лица, высоту и ширину носа, ширину и высоту орбиты, назо-малярный и зиго-максиллярный углы, симотический указатель и угол выступания носа. Данные обработаны с помощью канонического анализа и подсчета расстояний Махаланобиса с поправкой на численность (D^2c). Матрица расстояний подвергнута кластерному анализу и неметрическому многомерному шкалированию. Использовалась программа CANON Б.А. Козинцева и пакет PAST Э. Хаммера (версия 4.05).

На двумерной проекции (см. Рис. 1), как и на дендрограмме, которая здесь не приводится⁸, видны девять кластеров, объединяющихся в два суперкластера, за пределами которых находится группа, по неясной причине резко отличающаяся от всех остальных, – иртышские ханты (№ 67)⁹.

Левый суперкластер (А), который можно условно назвать западным, состоит из кластеров I–V. Кластер I включает все карасукские группы, кроме двух, отличающихся усилением восточных признаков – Восточно-минусинской (№ 7) и из Арбана I (№ 20), которые оказались за пределами не только кластера I, но и суперкластера А (см. ниже). Помимо карасукских серий, в кластер I входят саки, савроматы, тавры и группа из Сиалка В – вероятные киммерийцы (*Погребова* 2001).

Кластер II – целиком андроновский. Сюда включены все серии данной культуры, кроме двух – из Барабы (№ 26) и Еловки (№ 31), которые образуют отдельную пару (кластер III), заметно уклоняющуюся в восточном направлении, что свидетельствует об ассимиляции андроновцами некоторых аборигенных групп Сибири. Кластер IV объединяет все четыре окуневские группы. Карасукский кластер (кластер I) занимает промежуточное положение между андроновским

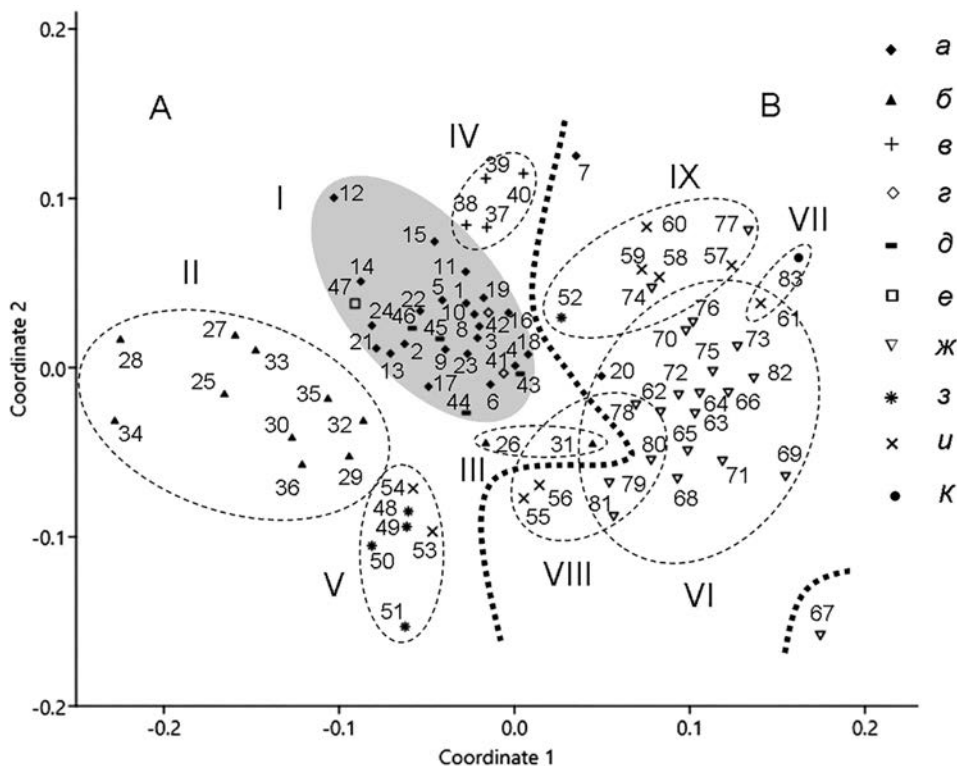

Рис. 1. Расположение центроидов мужских краниологических серий в пространстве неметрического многомерного шкалирования матрицы обобщенных расстояний (D^2C).

Нумерация серий соответствует списку в тексте.

a – карасукские, *б* – андроновские, *в* – окуневские, *г* – монгун-тайгинские, *д* – сакские, савроматская, таврская, *е* – Сялук В, *ж* – современные западносибирские, *з* – памирские, *и* – прочие группы Средней Азии и Казахстана, *к* – монголы. Кластеры (показаны овалами): I – карасуки и близкие им древние группы, II – андроновцы, III – ассимилированные андроновцами аборигенные группы Сибири, IV – окуневцы, V – памирцы и близкие им группы Средней Азии, VI – современные западносибирские группы, VII – киргизы и монголы, VIII – узбеки Ташкента и Самарканда, телеуты, кумандинцы, тубалары, шорцы, IX – теленгеты, казахи, сагайцы, шугнанцы.

Левая пунктирная кривая разделяет суперкластеры А (кластеры I–V) и В (кластеры VI–IX), правая отделяет южных хантов (№ 67) от остальных групп.

и окуневским, характеризуя карасуков как типично метисную группу¹⁰. В кластер V входят четыре памирские выборки (все, кроме шугнанской) и еще две среднеазиатские – самаркандская, представляющая ирани или таджиков (№ 53), и раннесредневековая из Шахристана (№ 54).

Правый, восточный суперкластер (В), включает кластеры VI–IX, а также изолированную Восточно-минусинскую группу атипичного карасука (№ 7). В кластере VI – большинство современных групп Западной и Южной Сибири (№ 62–66, 68–73, 75, 76), а также карасуки из Арбана I (№ 20). К данному кластеру примыкает крайне монголоидная пара (кластер VII), состоящая из киргизов (№ 61) и монголов (№ 83). Кластер VIII отчетливо неоднороден в географическом отношении. Здесь мы видим группы Южной Сибири с наименее выраженными восточными особенностями: телеутов (№ 78), кумандинцев

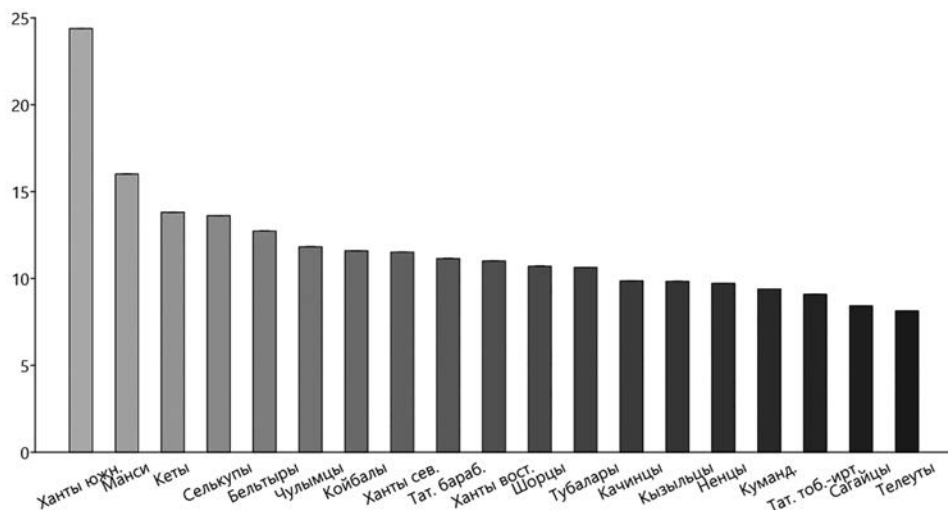

Рис. 2. Средние обобщенные расстояния (D^2c) современных краниологических серий Южной и Западной Сибири от 24 карасукских.

(№ 79), тубаларов (№ 80) и шорцев (№ 81), а также две группы городских узбеков (№ 55 и 56), явно тяготеющие к южноевропеоидному кластеру V.

Еще более разнороден кластер IX. Крайне восточное положение в нем занимают теленгеты (№ 77), слабее выражены монголоидные черты в четырех казахских группах (№ 57–60) и у сагайцев (№ 74), а на западном фланге находятся шугнанцы Шахдары (№ 52). Последние, хотя и обнаруживают по сравнению с прочими памирскими группами заметный монголоидный сдвиг, но при этом занимают в кластере VIII особое место, вплотную к кластеру I, включающему карасукцев и близкие к ним группы.

Посмотрим, каково среднее расстояние 24 карасукских групп от 19 современных народов Западной и Южной Сибири, ранжированных по возрастанию сходства (см. Рис. 2). Если не считать aberrantных иртышских хантов, а также манси, увеличение сходства (слева направо на графике) происходит постепенно. На первых местах группы со сравнительно слабо выраженными восточными особенностями – телеуты, сагайцы, тоболо-иртышские татары, кумандинцы. Однако плавность изменений не позволяет приписать относительную близость этих групп к карасукцам чему-либо, кроме случайности.

Теперь взглянем на аналогично ранжированный график для 14 современных групп Средней Азии и Казахстана (см. Рис. 3). Сильнее всего от карасукцев отличаются киргизы, рушанцы и наиболее монголоидная группа казахов (Актулки). У следующих десяти групп приближение к карасукцам очень невелико и постепенно. А дальше наблюдается “провал” – значение D^2c у средневековых шугнанцев (4,32) не просто меньше всех 33 рассмотренных значений (см. Рис. 2, 3), но вдвойне и резко отличается от ближайшего (7,28 для средневековых шахристанцев). Оценить достоверность разницы по полному набору карасукских групп нельзя, так как независимость наблюдений тут отсутствует – группы перекрываются по составу. Если же оставить только 17 неперекрывающихся, то, согласно критерию Уилкоксона для сопряженных наблюдений, веро-

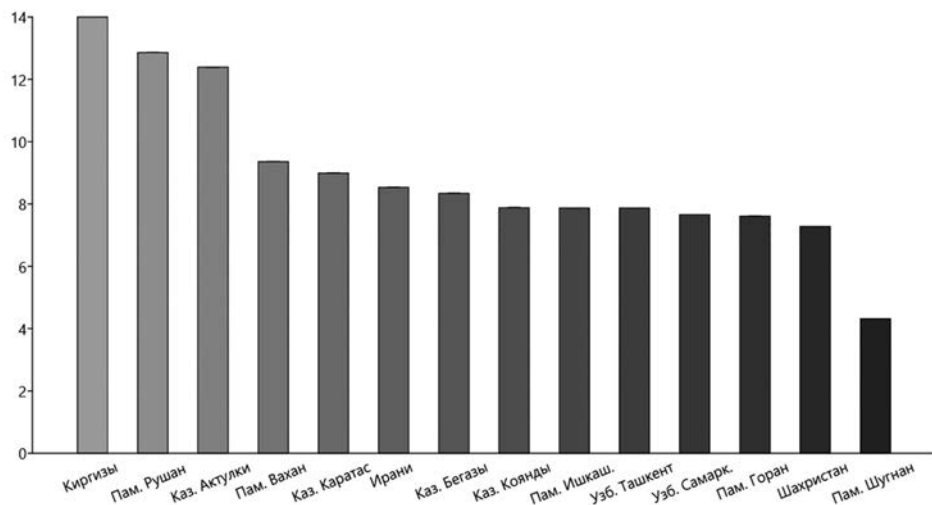

Рис. 3. Средние обобщенные расстояния (D^2c) современных краниологических серий Средней Азии и Казахстана от 24 карасукских.

ятность случайности различия между шугнанцами и шахристанцами по интересующему нас показателю составляет 0,003, т.е. различие вполне достоверно. Как ни удивительно, похожа на карасукцев именно та единственная памирская группа, которую Ю.Г. Рычков исключил из своего исследования.

Среди древних групп еще ближе к карасукам те, которые входят вместе с ними в кластер I: монгун-тайгинцы Тувы, савроматы, саки Восточного Казахстана и Киргизии, тавры, а также члены кластера IV – окуневцы Уйбата и Тас-Хазаа. Среди карасукцев к шугнанцам особенно близки люди из Федорова улуса и каменоложцы северной группы. Шугнанцы же схожи, помимо карасукцев, и с другими членами кластера I: с монгун-тайгинцами Тувы, саками Восточного Казахстана и Киргизии, а из современных народов – с казахами (за исключением уже упомянутой группы из Актулки), сагайцами, качинцами и ненцами. Казахи и сагайцы входят вместе с шугнанцами в кластер IX, качинцы и ненцы – в кластер VI. В типологических терминах эти две группировки традиционно именуются южносибирской и уральской соответственно¹¹.

Почему шугнанская серия осталась за рамками работы Ю.Г. Рыčkова? Во-первых, потому, что, по преданиям, кладбища долины Шахдары, откуда она происходит, находятся в местах сражений местных жителей с проникшими из Восточного Памира кочевниками-киргизами. Потомки последних до недавнего времени почитали некоторые из этих могил (Рычков 1969: 32). Во-вторых, шугнанская серия обнаруживает монголоидную примесь. Согласно Ю.Г. Рычкову, серия неоднородна – в ней есть черепа южносибирского, памирского и смешанного типов (Там же: 33). Этот вывод, однако, не подкреплён статистическим анализом, поэтому трудно понять, имеем ли мы дело только с механической или также и с биологической смешанностью. Мнение о позднем (киргизском) происхождении монголоидной примеси в шугнанской серии поддержали В.В. Гинзбург, Т.А. Трофимова (Гинзбург, Трофимова 1972: 282)¹² и Т.К. Ходжайов (Ходжайов 2008). Но дело не только в примеси.

Если соединить на графике (см. Рис. 1) прямой линией кластер V, включающий западных памирцев (кроме шугнанцев), и кластер VII, объединяющий киргизов и монголов, то шугнанцы будут в стороне от этой линии. Рядом же с ней окажутся узбеки из городских кладбищ (№ 55 и 56)¹³, что соответствует представлению о них как потомках южноевропейского ираноязычного населения, перешедших на тюркскую речь и впитавших небольшую монголоидную примесь (Гинзбург 1963: 119).

Шугнанцы же вместе с прочими членами кластера IX оказываются вблизи от прямой, соединяющей кластер VII (киргизско-монгольский) и кластер II (андроновский). Они больше похожи на казахов, чем на городских узбеков, от которых, похоже, отличаются не только большей монголоидностью, но и характером европеоидности. Если допустить, что монголоидный компонент у шугнанцев тот же, что и у городских узбеков (центральноазиатский), то европеоидный будет иным – степным, а не южным. А.П. Пестряков, опираясь на данные Л.В. Ошанина, указывает, что шугнанцы Шахдары отличаются от всех западнопамирских групп, относимых к южному варианту памиро-ферганской расы, большими размерами головы и лица, уклоняясь в сторону северных таджиков и узбеков, т.е. тех групп, которые относили к северному ее варианту (Пестряков 1975). Дело не в монголоидной примеси, так как наиболее монголоидные узбеки-локайцы находятся вне данного вектора изменчивости. Согласно А.П. Пестрякову, наблюдаемая картина объясняется тем, что долина Шахдары имеет выход на Восточно-памирское плато, через которое андроновцы и их потомки могли проникать в ущелья Западного Памира.

В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова полагали, что андроновский компонент сыграл важную роль в сложении всех групп памиро-ферганского типа – от памирцев до узбеков (Гинзбург, Трофимова 1972: 304). Ю.Г. Рычков это отрицал на том основании, что андроновцы отличались светлой пигментацией (Рычков 1969: 148–149). Последнее подтверждается как прямыми генетическими данными (Keyser et al. 2009), так и косвенными – о современных группах, в составе которых предполагается значительный андроновский компонент (казахах, киргизах и др.). В.П. Алексеев поначалу принял мнение Ю.Г. Рычкова о значительной древности и самостоятельности памиро-ферганского типа, к которому он, правда, причислил только узбеков, но не памирцев (Алексеев 1974). В дальнейшем, однако, он согласился с В.В. Гинзбургом и Т.А. Трофимовой (Алексеев, Гохман 1984: 117, 122). Действительно, при учете доминирования темной пигментации вклад андроновцев нельзя исключить, во всяком случае, по отношению к равнинным группам (Гинзбург, Трофимова 1972: 303). Как мы видим, его нельзя исключить и по отношению к некоторым горным популяциям.

В.П. Алексеев рассматривал узбеков в целом, не делая различия между городскими группами без родовых делений и сельскими, сохранившими родовую структуру (краниологический материал по ним отсутствует). Те и другие отчетливо различаются внешне: вторые монголоиднее (Ошанин 1958: 72, 74) и доля андроновского компонента у них выше (Пестряков 1975; Дубова 1978). Очень вероятно, что сельские узбеки, особенно даштикипчакские, более схожи с шугнанцами. Об этом косвенно свидетельствуют соматологические исследования. Так, изученные А.П. Пестряковым узбеки-локайцы не только родственны казахам (в сложении которых роль андроновского компонента не подлежит сомнению), но и похожи на них (Пестряков 1975). Казахи же, по моим данным, объединились с шугнанцами, будучи, однако, значительно монголоиднее (см. Рис. 1).

На графике прямая линия, соединяющая кластеры II, IX и VII, проходит через кластер I, включающий карасукцев. Но его центральное положение заставляет предпочесть иной сценарий метисации, подсказываемый археологическими фактами: есть достаточно оснований видеть в карасукцах андроновско-окуневских метисов¹⁴. Что же тогда связывает их с шугнанцами? Во-первых, андроновский компонент, подтверждаемый генетически: минимум две из четырех карасукских женщин, для которых есть генетические данные, имели европейскую аутосомную наследственность и гены, ответственные за светлую окраску глаз (*Keyser et al.* 2009). Во-вторых, небольшая монголоидность неизвестного происхождения – о ней тоже свидетельствует генетика: карасукская серия весьма неоднородна, и там присутствуют индивидуумы с отчетливо восточной наследственностью, один из которых близок к глазковцам Прибайкалья (*Jeong et al.* 2018; *Karafet et al.* 2018). По краниометрическим данным, максимальная концентрация восточных черт наблюдается в двух андроновских группах, относящихся к числу наиболее близких к классической и северной карасукской: из Барабы и особенно из Еловки в Томском Приобье (см. Рис. 1)¹⁵. Видимо, они представляют ассимилированных андроновцами аборигенов Сибири, от которых, следовательно, карасукцы и могли получить восточный компонент – но ни он, ни тот, который представлен у окуневцев, не объясняют сходство карасукцев со средневековыми шугнанцами.

У современных шугнанцев Шахдары монголоидная примесь, по словам Ю.Г. Рычкова, не прослеживается, что он отнес за счет генного дрейфа (*Рычков* 1969: 33)¹⁶. Действительно, из всех изученных им памирских групп у них наибольшая длина тела, наивысший процент светлых глаз, наиболее сильный рост бороды (Там же: 182, 184, 200). В.Ю. Бахолдина и А.А. Мовсесян, однако, считают, что небольшая примесь все-таки есть, о чем свидетельствуют большая высота лица, а также фотоматериал (*Бахолдина, Мовсесян* 2014; см.: *Рычков* 1969: 197, 36 – рис. 26).

Итак, судя по краниологическим данным, карасукцы были внешне похожи на средневековых шугнанцев, отличавшихся от прочих популяций Западного Памира не только монголоидной примесью, но и большей долей андроновского компонента, что, возможно, подтверждают данные о длине тела и цвете глаз у современных шугнанцев (см. выше). Таким образом, карасукцы, скорее всего, напоминали не южных, а северных представителей памиро-ферганской общности – узбеков с родовыми делениями и северных таджиков.

Примечания

¹ См. также: *Козинцев А.Г.* Происхождение андроновцев: статистический подход // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).

² См. об этом: *Козинцев А.Г.* Происхождение карасукцев (по краниометрическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).

³ *Козинцев А.Г.* Происхождение карасукцев (по краниометрическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).

⁴ Некоторые карасукские группы перекрываются по составу ввиду несовпадения археологических классификаций, использованных разными краниологами. В случаях, когда серия изучена или переформирована несколькими авторами, указывается наиболее поздняя публикация – та, из которой заимствовались данные.

⁵ Здесь и далее принадлежность серий к классической или каменноложской (лугавской) группе не уточняется. Во-первых, мнения археологов на этот счет расходятся (Г.В. Рыкушина пользовалась определениями Э.Б. Вадецкой, Г.А. Максименкова и П.М. Кожина, я – определениями М.П. Грязнова и особенно Н.Л. Членовой). Во-вторых, многие серии включают черепа из погребений обоих типов.

⁶ Источники данных об андроновских сериях № 25–36 см.: *Козинцев А.Г. Происхождение андроновцев: статистический подход // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).*

⁷ Серии № 55–83 относятся к недавним векам.

⁸ Ее можно получить электронной почтой по запросу.

⁹ Долихокрания и узкое лицо, противопоставляющие данную группу всем прочим, пока не получили никакого исторического объяснения (*Багаиёв 2017: 285*).

¹⁰ См. об этом: *Козинцев А.Г. Происхождение карасукцев (по краниометрическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).*

¹¹ В.П. Алексеев отнес сагайцев к уральскому типу с заметной примесью центральноазиатского, а качинцев – к южносибирскому (*Алексеев 1960*). На Рис. 1 обе эти группы вместе с ненцами находятся поблизости друг от друга, на периферии кластеров IX и VI соответственно.

¹² В отличие от Ю.Г. Рычкова, они датировали эту серию XVIII–XIX вв.

¹³ Этот простейший тест основан на известном факте промежуточности метисных популяций между родительскими по большинству размерных признаков. Данное правило должно с некоторым приближением быть справедливым и по отношению к двумерной проекции многомерных отношений.

¹⁴ См. об этом: *Козинцев А.Г. Происхождение карасукцев (по краниометрическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).*

¹⁵ См. об этом: *Козинцев А.Г. Происхождение карасукцев (по краниометрическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).*

¹⁶ Г.Л. Хить, напротив, полагает, что небольшая монголоидная примесь свойственна всем западным памирцам, причем ее проявление было усилено генным дрейфом (*Хить 1983: 134*).

Научная литература

Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 269–364.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. 1961. № 3. С. 107–206.

Алексеев В.П. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Наука, 1974. С. 11–22.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 208–241.

Багаиёв А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017.

- Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000.
- Баходина В.Ю., Мовсесян А.А. Краниология горцев Памира (по краниометрическим и краниофенетическим данным) // Вестник Московского университета. Серия XXIII, Антропология. 2014. № 2. С. 29–37.
- Гинзбург В.В. Краниологическая характеристика узбеков // Антропологический сборник. №. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 96–121.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.
- Гохман И.И. Антропологические аспекты кетской проблемы. Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник: антропология, этнография, мифология, лингвистика / Отв. ред. В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1982. С. 7–42.
- Громов А.В. Палеоантропологические материалы из карасукского могильника Арбан I // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. Сборник МАЭ. Т. 44. СПб.: Наука, 1991. С. 42–47.
- Громов А.В. Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. 1995. № 1. С. 130–150.
- Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 301–358.
- Дебец Г.Ф. Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя // Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 26–48.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии АН СССР. 1951. Т. 17.
- Дубова Н.А. К проблеме формирования памиро-ферганской расы // Советская этнография. 1978. № 4. С. 34–45.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф, 2001.
- Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1970.
- Кияткина Т.П. Черепа эпохи бронзы с территории юго-западного Таджикистана // Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: Наука, 1968. С. 168–182.
- Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977.
- Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125–136.
- Медведская И.Н. Конский убор Древнего Ирана: вопросы хронологии, происхождения и развития // Российский археологический ежегодник. 2013. Т. 3. С. 412–441.
- Миклашевская Н.Н. Краниология киргизов // Труды Киргизской археолого-антропологической экспедиции. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 266–294.
- Ошанин Л.В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 2. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1958.
- Пестряков А.П. Антропологическое изучение некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана // Советская этнография. 1975. № 1. С. 102–112.
- Погребова М.Н. Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в.

- до н.э. // Древние цивилизации Евразии. История и культура / Отв. ред. А.В. Седов. М.: Наука, 2001. С. 317–333.
- Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. М.: Старый Сад, 2007.
- Рычков Ю.Г. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М.: Изд-во Московского ун-та, 1969.
- Семенов В.А., Чугунов К.В. Роль субстрата в сложении культур скифского типа в Туве // Проблемы археологии степной Евразии. Т. 2. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. С. 73–76.
- Соколова К.Ф. Тавры Крымского полуострова (по антропологическим данным) // Вопросы антропологии. 1960. № 3. С. 66–76.
- Хитъ Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука, 1983.
- Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика территориальных групп населения Восточного Памира в сакское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 143–156.
- Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. 1994. № 8. С. 43–53.
- Jeong C. et al. Bronze Age Population Dynamics and the Rise of Dairy Pastoralism on the Eastern Eurasian Steppe // Proceedings of the National Academy of Sciences of USA. 2018. Vol. 115 (48). <https://doi.org/10.1073/pnas.1813608115>
- Karafet T.M. et al. Siberian Genetic Diversity Reveals Complex Origins of the Samoyed-Speaking Populations // American Journal of Human Biology. 2018. Vol. 30 (6). <https://doi.org/10.1073/pnas.181360811510.1002/ajhb.23194>
- Keyser C. et al. Ancient DNA Provides New Insights into the History of South Siberian Kurgan People // Human Genetics. 2009. Vol. 126 (3). P. 395–410. <https://doi.org/10.1007/s00439-009-0683-0>

Research Article

Kozintsev, A.G. Whom Did the Karasuk People Resemble? [Na kogo byli pokhozhi karasuktsy?]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 150–164. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030089> EDN: CPHJCY ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Alexander Kozintsev | <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109> | alexanderkozintsev@yandex.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Late Bronze Age, Southern Siberia, Western Siberia, Southwestern Central Asia, Karasuk culture, Andronovo culture, Pamiris, Tajiks, Uzbeks, Kazaks

Abstract

To test Yuri Rychkov's claim that the physical type of the Karasuk people was identical to that of the highlanders of Western Pamir, 24 male Karasuk cranial samples were subjected to a multivariate comparison with 59 samples representing other cultures and periods. Karasuk people proved closest, not to those Pamiris whom Rychkov had included in his study (Goranis, Ishkashimis, Wakhanis, and Rushanis) but to those

whom he had excluded because of Kirghiz admixture – the Shugnanis. The admixture appears to have been added, not so much to the indigenous southern component present in other Pamiris, as to that associated with Andronovo immigrants from the steppe. This explains the likely similarity of medieval Shugnanis (and, accordingly, the Karasuk people) to modern Uzbeks retaining tribal identities and northern Tajiks.

References

- Alekseev, V.P. 1960. Kraniologiya khakasov v svyazi s voprosami ikh proiskhozhdeniya [Craniology of the Khakas with Reference to *Their Origin*]. In *Trudy Kirgizskoi kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Kirghiz Multidisciplinary Archaeological and Ethnographic Expedition], 4: 269–364. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Alekseev, V.P. 1961. Paleoantropologiya Altae-Saianskogo nagor'ia epokhi neolita i bronzy [Paleoanthropology of the Altai-Saian Highland in the Neolithic and Bronze Age]. *Antropologicheskii sbornik* 3: 107–206.
- Alekseev, V.P. 1974. Drevneishee evropeidnoe naselenie Srednei Azii i ego potomki [The Earliest Caucasoid Population of Southwestern Central Asia and Its Descendants]. In *Problemy etnicheskoi antropologii i morfologii cheloveka* [Problems in Ethnic Anthropology and Human Morphology], edited by I.I. Gokhman, 11–22. Leningrad: Nauka.
- Alekseev, V.P., and I.I. Gokhman. 1984. *Antropologiya Aziatskoi chasti SSSR* [Anthropology of the Asiatic Part of USSR]. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P., I.I. Gokhman, and D. Tumen. 1987. Kratkii ocherk paleoantropologii Tsentral'noi Azii (kamennyi vek – epokha rannego zheleza) [A Brief Sketch of the Paleoanthropology of Central Asia (Stone Age – Early Iron Age)]. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Mongolia], edited by A.P. Derevianko and S. Natsagdorz, 208–241. Novosibirsk: Nauka.
- Bagashev, A.N. 2017. *Antropologiya Zapadnoi Sibiri* [Anthropology of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
- Bakholdina, V.I., and A.A. Movsesian. 2014. Kraniologiya gortsev Pamira (po kraniometricheskim i kraniofeneticheskim dannym) [Craniology of Highland Pamiris (Based on Craniometric and Craniophenetic Data)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII, Antropologiya* 2: 29–37.
- Balabanova, M.A. 2000. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priural'ia i Nizhnego Povolzh'ia. Rannii zheleznyi vek* [Anthropology of the Ancient Population of Southern Ural and Lower Volga: Early Iron Age]. Moscow: Nauka.
- Chugunov, K.V. 1994. Mongun-taiginskaya kul'tura pozdnei Bronzy Tuvy (tipologicheskaya klassifikatsiya pogrebal'nogo obriada i otnositel'naia khronologiya) [The Mongun-Taiga Late Bronze Age Culture of Tuva (Typological Classification of the Mortuary Rite and Relative Chronology)]. *Peterburgskii arkhologicheskii vestnik* 8: 43–53.
- Ginzburg, V.V. 1963. Kraniologicheskaya kharakteristika uzbekov [Craniological Characteristics of the Uzbeks]. In *Antropologicheskii sbornik* [Anthropological Collection], 4: 96–121. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Ginzburg, V.V., and T.A. Trofimova. 1972. *Paleoantropologiya Srednei Azii* [Paleoanthropology of Southwestern Central Asia]. Moscow: Nauka.
- Gokhman, I.I. 1982. Antropologicheskie aspekty ketskoi problemy. Rezul'taty antropometricheskikh i kraniologicheskikh issledovaniy [Anthropological Aspect of the Ket Problem: Results of Anthropometric and Cranial Studies]. In *Ketskii*

- sbornik: Antropologiya, etnografiya, mifologiya, lingvistika* [Ket Collection: Anthropology, Ethnography, Mythology, Linguistics], edited by V.V. Ivanov, V.N. Toporov and B.A. Uspenskii, 7–42. Leningrad: Nauka.
- Gromov, A.V. 1991. Paleoantropologicheskie materialy iz karasukskogo mogil'nika Arban I [Skeletal Materials from the Karasuk Cemetery Arban I]. In *Novye kollektsii i issledovaniia po antropologii i arkheologii. Sbornik MAE* [New Collections and Studies in Anthropology and Archaeology; Museum of Anthropology and Ethnography Collection], 44: 42–47. St. Petersburg: Nauka.
- Gromov, A.V. 1995. Naselenie yuga Khakasii v epokhu pozdnei bronzy i problema proiskhozhdeniia karasukskoi kul'tury [Population of Southern Khakassia in the Late Bronze Age and the Problem of Karasuk Culture Origin]. *Antropologiya segodnia* 1: 130–150.
- Gromov, A.V. 1997. Proiskhozhdenie i svyazi naseleniia okunevskoi kul'tury [Origin and Affinities of the People of Okunev Culture]. In *Okunevskii sbornik* [Okunev Collection], edited by D.G. Savinov and M.L. Podolskii, 301–358. St. Petersburg: Petro-RIF.
- Debets, G.F. 1932. Rasovye tipy Minusinskogo kraia v epokhu rodovogo stroia [Racial Types of the Minusinsk Province during the Tribal Age]. *Antropologicheskii zhurnal* 2: 26–48.
- Debets, G.F. 1951. Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoi oblasti [Anthropological Studies in the Kamchatka Province]. *Trudy Instituta etnografii Akademii Nauk SSSR* 17.
- Dubova, N.A. 1978. K probleme formirovaniia pamiro-ferganskoi rasy [On the Problem of the Origin of Pamir-Farghana Race]. *Sovetskaya etnografiya* 4: 34–45.
- Ismagulov, O. 1970. *Naselenie Kazakhstana ot epokhi bronzy do sovremennosti (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The Population of Kazakhstan from the Bronze Age to the Present: A Paleoanthropological Study]. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoi SSR.
- Ivanchik, A.I. 2001. *Kimmeritsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeiskikh stepei i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni* [Cimmerians and Scythians: Cultural-Historical and Chronological Problems in the Archaeology of Eastern European and Caucasian Steppes in the Pre-Scythian and Early Scythian Age]. Moscow: Paleograf.
- Jeong, C., et al. 2018. Bronze Age Population Dynamics and the Rise of Dairy Pastoralism on the Eastern Eurasian Steppe. *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA* 115 (48). <https://doi.org/10.1073/pnas.1813608115>
- Karafet, T.M., et al. 2018. Siberian Genetic Diversity Reveals Complex Origins of the Samoyed-Speaking Populations. *American Journal of Human Biology* 30 (6). <https://doi.org/10.1002/ajhb.23194>
- Keyser, C., et al. 2009. Ancient DNA Provides New Insights into the History of South Siberian Kurgan People. *Human Genetics* 126 (3): 395–410. <https://doi.org/10.1007/s00439-009-0683-0>
- Khit, G.L. 1983. *Dermatoglifika narodov SSSR* [Dermatoglyphics of the Peoples of USSR]. Moscow: Nauka.
- Khodzhaiov, T.K. 2008. Antropologicheskaya kharakteristika territorial'nykh grupp naseleniia Vostochnogo Pamira v sakscoe vremia [Anthropological Characteristics of the Territorial Groups of the Population of Eastern Pamir in the Saka Age]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 3 (35): 143–156.
- Kiiatkina, T.P. 1968. Cherepa epokhi bronzy s territorii yugo-zapadnogo Tadzhikistana [Bronze Age Crania from Southwestern Tajikistan]. In *Pamiatniki epokhi*

- bronzy v Yuzhnom Tadjikistane* [Bronze Age Sites in Southern Tajikistan], by A.M. Mandel'shtam, 168–182. Leningrad: Nauka.
- Kozintsev, A.G. 1977. *Antropologicheskii sostav i proiskhozhdenie naseleniia tagarskoi kul'tury* [Anthropological Structure and Origin of the Tagar Population]. Leningrad: Nauka.
- Kozintsev, A.G. 2009. O rannikh migratsiakh evropeoidov v Sibir' i Tsentral'nuu Aziu (v sviazi s indoevropeiskoi problemoi) [On the Early Caucasoid Migrations to Siberia and Central Asia (With Reference to the Indo-European Problem)]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii* 4 (40): 125–136.
- Medvedskaia, I.N. 2013. Konskii ubor Drevnego Irana: voprosy khronologii, proiskhozhdeniia i razvitiia [Horse Harness of Ancient Iran: Problems of Chronology, Origin, and Evolution]. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik* 3: 412–441.
- Miklashevskaiia, N.N. 1959. Kraniologiya kirgizov [Craniology of the Kirghiz]. In *Trudy Kirgizskoi arkheologo-antropologicheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Kirghiz Archaeological and Ethnographic Expedition], 2: 266–294. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Oshanin, L.V. 1958. *Antropologicheskii sostav naseleniia Srednei Azii i etnogenez ee narodov* [Anthropological Structure of the Population of Southwestern Central Asia and the Ethnogenesis of Its People], 2. Erevan: Izdatel'stvo Erevanskogo universiteta.
- Pestriakov, A.P. 1975. Antropologicheskoe izuchenie nekotorykh grupp naseleniia Tadjikistana i Uzbekistana [Anthropological Study of Certain Population Groups of Tajikistan and Uzbekistan]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 102–112.
- Pogrebova, M.N. 2001. Zakavkaz'e i kimmeriitsy assiriiskikh tekstov kontsa VIII veka do nashei ery [Transcaucasia and Cimmerians of the 8th Century BC Assyrian Texts]. In *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriia i kul'tura* [Ancient Civilizations of Eurasia: History and Culture], edited by A.V. Sedov, 317–333. Moscow: Nauka.
- Rychkov, Y.G. 1969. *Antropologiya i genetika izolirovannykh populiatsii (drevnie izoliaty Pamira)* [Anthropology and Genetics of Isolated Populations: Ancient Isolates of the Pamir]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Rykushina, G.V. 2007. *Paleoantropologiya karasukskoi kul'tury* [Paleoanthropology of the Karasuk Culture]. Moscow: Staryi Sad.
- Semenov, V.A., and K.V. Chugunov. 1987. Rol' substrata v slozhenii kul'tur skifskogo tipa v Tuve [The Role of Substrate in the Formation of Scythian Type Cultures in Tuva]. *Problemy arkheologii stepnoi Evrazii* [Problems in Archaeology of the Steppe Eurasia], 2: 73–76. Kemerovo: Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Sokolova, K.F. 1960. Tavry Krymskogo poluostrova (po antropologicheskim dannym) [Tauri of the Crimean Peninsula (Based on Anthropological Data)]. *Voprosy antropologii* 3: 66–76.